

УДК 316.75: 140.8

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-729-737

**ИДЕОЛОГИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ЭПОХУ МЕДИАКРАТИИ****IDEOLOGY AND INTELLECTUALS IN THE EPOCH OF MEDIACRACY****А.А. Трунов****A.A. Trunov**

Белгородский университет кооперации, экономики и права  
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law  
116A3 Sadovaya St, 08023, Belgorod, Russia

trunovv2013@yandex.ru

**Аннотация**

С опорой на методы герменевтики, принципы системности и историзма автором предпринята попытка выявить специфику идеологии в эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии. На основе философского и социологического анализа идей Ф. Бэкона, А.-Л.-Л. Дестюта де Траси, К. Маркса, Ф. Энгельса и К. Манхейма охарактеризована роль закрытых и открытых сообществ интеллектуалов в производстве идеологии. Рассмотрены субстанция и функции идеологии в обществе позднего модерна. Показано, что в условиях медиакратии интеллектуальные сообщества занимаются трансляцией симулякров классических идеологий модерна.

**Abstract**

The article is based on the methods of hermeneutics, the principles of systemism and historicism, an attempt is made to identify the specifics of ideology in the era of transition from late modern to mediacracy. On the basis of the analysis of the ideas of F. Bacon, A.-L.-L. Destute de Tracy, K. Marx, F. Engels and K. Manheim the role of closed and open communities of intellectuals in the production of ideology is characterized. All the thinkers considered by us were engaged not only in identifying the categorical essence of ideology, but also sought to influence the formation of a new macro-social subject that could responsibly and purposefully engage in the production and translation of meanings. We also consider the substance and functions of ideology in late modern society. It is shown that in the process of transition to mediacracy there is a radical mutation of classical ideologies of Modernity, which is caused by the separation of functions from substance and form from content.

**Ключевые слова:** сообщество, герменевтика, интеллектуалы, интеллигенция, идеология, поздний модерн, гегемония, медиакратия, мутация, симулякры, сети публичности, капитализм.

**Keywords:** community, hermeneutics, intellectuals, intelligentsia, ideology, late modern, hegemony, mediacracy, mutation, simulacra, publicity networks, capitalism.

**Введение**

Существует необходимость глубокого и всестороннего изучения роли сообществ интеллектуалов в производстве и распространении идеологии в эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии. О конкретных событиях, происходящих в России и в мире, мы узнаём из телевизионных новостей, репортажей, просматривая новостные ленты в сетях публичности. При этом происходит довольно мощная сепарация информации, в ходе которой формируется именно та весьма далёкая от реальности картина мира, которая устраняет цветущую сложность и полноту, заменяя объективное постижение действительности вариантами мозаичного, клипового, разорванного или манихейского сознания.



То, что медийное пространство заполнено симулякрами великих идеологий модерна, не вызывает сомнений. Ведь классические идеологии представлены здесь не в привычном структурированном виде, а в форме психоисторических вирусов, политтехнологических конструктов и других превращённых форм, практически утративших связь со своим первоначальным содержанием. Поэтому консерваторы сегодня – это чаще всего унылые охранители, которые ведут вялые арьергардные бои за истлевающие ценности классического гуманизма. Либералы буквально на наших глазах превращаются в либертарианцев, которые открыто проповедуют гностицизм и считают нужным поддерживать всевозможные девиации и перверсии. Марксисты уже не являются организующей силой и авангардом социальных и революционных движений, поскольку давно перешли к конформизму, тактике малых дел и перестали верить в возможность построения общества, основанного на идее благого восхождения человека.

Однако дело не только в постмодернистской мутации смыслового ядра каждой из некогда великих в прошлом идеологий. Проблема заключается в том, что эти идеологии никого и никуда не ведут, поскольку у большинства людей утрачен образ будущего и складывается ощущение, что нет ничего более привлекательного, чем наше интенсивное настоящее, связанное с брендами, трендами и производством гламура [Иванов, 2008]. Мы живём в ситуации, когда все идеологии оказались дискредитированы, а все утопии осмеяны. Мещанин-потребитель побеждает человека-творца, что у многих мыслящих людей вызывает вполне понятную тревогу.

Является ли данная ситуация случайной или закономерной? Почему существующие сообщества интеллектуалов перестали заниматься своей привычной работой, связанной с производством регулятивных или проектных идей, конструирующих образы желаемого общества? Можно ли говорить о своеобразном «предательстве интеллектуалов», которые отказались от реализации своей главной задачи? Ответы на эти вопросы выходят за рамки отдельной статьи и требуют, как минимум, полноценной научной дискуссии. Здесь же мы попытаемся рассмотреть лишь некоторые аспекты заявленной темы, обозначив своё отношение к идеологии исторически сложившимся открытым и закрытым сообществам интеллектуалов, позднему модерну и медиакратии, стараясь не повторять то, о чём писали ранее [Трунов, 2019 а, б].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы с опорой на методы герменевтики, принципы системности и историзма выявить специфику идеологии в эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии, а также рассмотреть ту роль, которую открытые и закрытые сообщества интеллектуалов играют в этом процессе. Логика наших рассуждений состоит в следующем: сначала мы попытаемся рассмотреть классическую философскую и социологическую традиции интерпретации феномена идеологии и роли интеллектуальных сообществ в её производстве на примере эпохи модерна, а затем обратимся к практикам трансляции идеологического контента в эпоху медиакратии, создающим не только новые возможности для реализации конкретных проектов в сфере идеального, но и вполне реальные проблемы, связанные с потерей критериев различения правды и лжи, реального и виртуального, знания и мнений, порождающих разрыв субстанции и функций идеологии.

### **Роль интеллектуалов в производстве идеологии в классической философской и социологической традиции**

Опорным пунктом философского и социологического осмысления идеологии, безусловно, является «идология» Ф. Бэкона [Бэкон, 1972]. На наш взгляд, этот английский мыслитель вскрыл и исследовал преимущественно негативные стороны «идологии», понимаемой им в феноменологическом ключе: как системы «идолов» (врождённых или приобретённых дефектов мышления, заблуждений, предрассудков), которые действительно мешают людям правильным образом познавать мир и своё место в нём. Также Ф. Бэкон разработал концепцию элиты (аристократии) знания, которая со временем должна полностью заменить элиту (аристократию) происхождения. Перспективы общественного разви-

тия Ф. Бэкон увязывал с развитием науки и сообществами орденового типа, которые занимаются производством и трансляцией научного знания, полностью очищенного от вкраплений заблуждений и предрассудков.

Следующим этапом философского и социологического осмысления феномена идеологии стал эпистемологический проект А.-Л.-К. Дестюта де Траси [2013] и его единомышленников, рассматривавших идеологию в качестве универсальной науки об идеях и рациональном мышлении. В силу целого ряда причин этот проект оказался нежизнеспособным [Поддубный, Трунов, 2016]. По существу идеология так и осталась скучноватой разновидностью довольно сомнительного вульгарно-материалистического дискурса, который не сумел обрести статус легитимного научного знания. Тем не менее, понимание идеологии как науки об идеях не лишено определённого смысла. Перспективы свободы и прогресса А.-Л.-К. Дестют де Траси и его единомышленники-«идеологи» увязывали с развитием образования и науки, причём не на уровне закрытых интеллектуальных сообществ орденового типа, как это делал Ф. Бэкон, а на уровне университетов, академий и институтов, которые занимаются реальными исследованиями и внедрением полученных результатов во все сферы человеческой деятельности.

Для подхода К. Маркса и Ф. Энгельса характерны гораздо более сложные представления об идеологии, нежели для Ф. Бэкона или французских «идеологов» [Маркс, Энгельс, 1955]. Можно говорить о нескольких концепциях, которые были разработаны К. Марксом и Ф. Энгельсом в ходе совместных многолетних трудов. Первая из них носит полемический характер и определяет идеологию как иллюзорное (или ложное сознание), которое полностью оторвано от своего настоящего бытия. По существу это и есть пресловутая «немецкая идеология», которая не способна постичь своих материальных предпосылок и реальных механизмов общественного развития. Этой «идеологии» (безотносительно к её локальной привязке) К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо противопоставляли науку, причём именно такую, которая, по их мнению, позволит понять и объяснить основные закономерности исторического развития человечества. Собственно, разработкой такой понимающей и объясняющей науки К. Маркс занимался большую часть активной сознательной жизни. Вторая концепция идеологии может быть охарактеризована как господствующие мысли господствующего класса, то есть система идей, которые позволяют этому классу сохранять монополию на власть, но при этом выражены в иллюзорной форме. Миссию интеллектуальных сообществ К. Маркс и Ф. Энгельс видели в адекватном «осознании существующей практики» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 30], позволяющей не только адекватно понять логику исторического процесса, но и осуществить переход из царства необходимости (например, природной обусловленности или социальной институциональности) в царство свободы, творчества и раскрепощения высших способностей человека.

К. Манхейм попытался преодолеть крайности всех рассмотренных нами подходов, предложив концепцию социального знания, избавленного от каких-либо «вкраплений» идеологии. Он полагал, что со временем разработанная им социология знания получит статус полноценной политической науки, «которая не диктует решения, а пролагает путь к принятию решений» [Манхейм, 1994, с. 139]. Эта наука, по мнению К. Манхейма, «открывает факторы, детерминирующие классово обусловленные решения и тем самым характер связи между коллективной волей и классовыми интересами» [Манхейм, 1994, с. 139].

Следствием этого являлось стремление К. Манхейма к глубокому и всестороннему изучению феномена интеллигенции (равно «свободных и независимых интеллектуалов») как коллективного макросоциального субъекта, главная задача которого «заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира» [Манхейм, 1994, с. 15]. Характерной особенностью «свободной интеллигенции» как исторически сформировавшегося открытого сообщества, напрямую связанного с производством и трансляцией смыслов, является то, что она формируется и пополняется за счёт всех других социальных слоёв, а способ мышления её основных представителей «не подвергается более регулированию со стороны какой-либо организации» [Манхейм, 1994, с. 16].



В процессе публичного обсуждения конкретных социальных проблем интеллигентны, по мнению К. Манхейма, могут занимать диаметральные позиции, но при этом они всегда вносят в дискуссию особую мотивацию и специфические установки, которые влияют на осмысление происходящего. Дело в том, что интеллигентны способны «рассматривать актуальные проблемы с разных сторон в отличие от большинства участников дискуссий, которые видят проблему только с одной стороны» [Манхейм, 2000, с. 105]. Они легче изменяют свою точку зрения под воздействием логических аргументов, поскольку способны «сопоставлять несколько противоречивых подходов к одному и тому же предмету» [Манхейм, 2000, с. 105]. Именно такой диалектический подход присущ мышлению интеллигентны.

К. Манхейму удалось определить категориальные сущности идеологии и утопии как конфликтующих идейных (психоисторических) комплексов, которые направлены на поддержание или дестабилизацию существующего социального порядка. При этом он также справедливо отметил, что в целом ряде случаев утопия не разрушает, а поддерживает сложившийся социальный порядок. Если же говорить о разработке научной теории идеологии с позиций эпистемологически нейтральной социологии знания, то следует признать, что эта программа оказалась половинчатой, поскольку ни К. Манхейму, ни его единомышленникам не удалось избавиться от собственных идеологических предпочтений.

### Субстанция и функции идеологии в обществе позднего модерна

За последнее десятилетие отечественные исследователи значительно продвинулись в изучении субстанции и функций идеологии в обществе позднего модерна. Так, в 2012 г. увидело свет аналитическое исследование Р.А. Гальцевой и И.Б. Роднянской, выполненное ими ещё в 1984 г. [2012]. Авторы книги обратились к изучению подходов К. Манхейма, Р. Арона, Х. Арендт, Ш. Эйзенштадта, концепции которых по-прежнему находятся в центре философских, социологических и культурологических дискуссий [Манхейм, 1994; Эйзенштадт, 1999; Арендт, 2011; Арон, 2015].

В диалоге с маститыми зарубежными исследователями Р.А. Гальцева и И.Б. Роднянская рассмотрели проблемные вопросы, связанные с внутренней динамикой идеологий, генезисом и путями идеологической политики, с процессами идеологизации человеческих масс и филиации новых идей. Особое внимание они уделили либерализму как своеобразной «замаскированной идеологии» позднего модерна. По их мнению, «либерализм составляет нечто большее, чем идеологию, – некую веру, прививаемую со школьной скамьи и впитываемую из общественной атмосферы» [Гальцева, Роднянская, 2012, с. 96]. Это слово служит своеобразным «паролем», на который откликаются люди, имеющие самых разных ценностные ориентации и убеждения.

Коллектив авторов под руководством В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана в своей монографии дал развёрнутую характеристику процессов трансформации идеологических процессов [Россия в поисках идеологий, 2016]. Особого внимания заслуживает их подход к эволюции классических идеологий в политическом проекте модерна, рассмотренных как в структурно-функциональной перспективе, так и в аспекте их адаптации к современным российским условиям, которые характеризуются кризисными явлениями в сфере производства и распространения смыслов [Россия в поисках идеологий, 2016].

Несомненной заслугой данных авторов является то, что имеющееся идеологическое разнообразие они попытались структурировать на основе устойчивых ценностных оппозиций. Поясняя свою мысль, авторы монографии справедливо указывают, что идеология в эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии решает следующие задачи: 1) она связана с *ценностями*, поскольку позволяет различать хорошее и плохое, доброе и злое, красивое и безобразное; 2) показывает, каким образом нужно выявлять хорошее и плохое, доброе и злое, красивое и безобразное в окружающем мире (создаёт *установки*); 3) конструирует *образ желаемого будущего* и *идеалы* общественного развития; 4) обладает императивностью по отношению к действиям своих сторонников (*прескриптивность*); 5) разрабатывает стратегии достижения желаемых целей (*проективность*).

«Идеология, как и любое масштабное социальное явление, обладает некоторой функциональностью, то есть существует не просто так, а зачем-то», – делают вывод авторы монографии [Россия в поисках идеологий, 2016, с. 131]. Это позволяет им выделить шесть базовых функций идеологий в обществе позднего модерна:

1. Идеологии задают систему стратегических ориентиров, которые формируют как систему критериев, в которых оценивается текущая социальная или политическая ситуация, так и основные векторы исторического движения конкретных социальных субъектов из прошлого через настоящее в будущее. Отсюда – ориентационная функция классических идеологий в обществе позднего модерна.

2. Идеологии содержат в своём смысловом ядре теоретически оформленные представления о справедливости, общественном благе и идеальном социальном порядке. Отсюда – легитимирующая функция классических идеологий в обществе позднего модерна.

3. Идеологии также выступают своеобразными маркерами, позволяющими отличить «своих» от «чужих», «друзей» от «врагов», «их» от «нас», то есть способствуют конструированию социальной и политической идентичности открытых и закрытых интеллектуальных сообществ. Отсюда – идентификационная функция идеологий в обществе позднего модерна.

4. Идеологии сводят воедино философские и политические идеи, концепты, программы преобразования общества и образы желаемого будущего. При этом неизбежно происходит своеобразная редукция смыслов, предполагающая упрощение и уплотнение идейного массива до уровня лозунгов или мемов. Отсюда – функция редукции содержательного единства к прагматике конкретных действия, которую реализуют все существующие идеологии в обществе позднего модерна.

5. Идеологии позднего модерна (даже консерватизм) содержат в себе проектные идеи, то есть предполагают «некоторую последовательность действий, необходимую для достижения идеала» [Россия в поисках идеологий, 2016, с. 132]. Философы, социальные теоретики, политтехнологи, рекламисты и другие производители идеологических смыслов конструируют базовые программы, определяющие стратегию и тактику политических действий. Отсюда – программная функция идеологий в обществе позднего модерна.

6. Идеологии оформляют значимые для человека и общества ценности и интересы, выражают их в доступном и социально привлекательном виде. «В конечном счёте, – полагает Я.Ю. Старцев, – распространённость и долговечность любой идеологической системы определяется устойчивостью той совокупности интересов, которую она выражает» [Россия в поисках идеологий, 2016, с. 133]. Отсюда – артикуляционная функция идеологий в обществе позднего модерна.

В монографии А.В. Рубцова и его соавторов [2016] также предложена оригинальная методология философской аналитики идеологических процессов в политической и социокультурной реальности в условиях перехода от позднего модерна к медиакратии. Пытаясь уйти от негативного отношения к идеологии, авторы рассматривают основные иллюзии и мифы «деидеологизации», комплекс идеологической идиосинкразии, существующий опыт «реабилитации» идеологии, необоснованные претензии новой «идеократии», претендующей на роль главного организатора и вдохновителя наших «побед», а также предлагают серьёзно обсудить концепцию «проникающей» («диффузной») идеологии, которая действует по аналогии с радиацией.

«В привычном понимании, – подчёркивают они, – идеология – это нечто такое, что сначала создаётся идеологами, а потом впечатывается в мозги, насквозь промываемыми гигантскими мегамашинами мысли» [Рубцов и др., 2016, с. 224]. Однако сегодня, утверждают разработчики данного подхода, более целесообразно говорить об идеологии как латентной, теневой или диффузной субстанции, «обладающей повышенной проникающей способностью». По их же словам, «идеологического в этой жизни гораздо больше, чем кажется, при этом количественное расширение картины меняет качество понимания её целого и фрагментов» [Рубцов и др., 2016, с. 224]. Безусловно, это весьма продуктивный подход. И мы намерены его использовать в нашем дальнейшем исследовании.



Ценным подспорьем для всех, кто изучает идеологию в эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии, также является коллективная монография, изданная научными сотрудниками Института Философии РАН под руководством А.А. Гусейнова и А.В. Рубцова [Философия и идеология, 2018]. Уникальность этой необычной книги определяется не только фундаментальностью заявленной темы, но и намеченными перспективами её дальнейшего изучения. Зафиксированное авторами изменение «онтологии» идеологического ставит вопрос о новом взаимодействии философии с идеологией. Это обусловлено как необходимостью актуализации существующего классического наследия, включая многие продуктивные идеи К. Маркса [Философия и идеология, 2018], так и потребностью в философском освоении принципиально новых предметных полей. Отказ от иллюзий «деидеологизации» позволяет авторам этой коллективной монографии рассматривать философию как главное интеллектуальное оружие, с помощью которого можно осуществлять эффективную деконструкцию и критику идеологий в эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии.

### **Медиакратия, интеллектуалы и симулякры идеологий**

Термином «медиакратия» обозначают ситуацию, когда средства массовой информации приобретают беспрецедентное влияние над обществом под влиянием их сращивания с капиталом и властью. Это влияние напрямую связано с производством и трансляцией растворённого в информации идеологического контента, удерживающего общество в существующих рамках институциональности за счёт конструирования дискурса лояльности, в том числе – путём отвлечения внимания аудитории от реальных проблем и её погружения в перманентный поток скандалов, сплетен, гламурной жизни «звёзд» спорта или шоу-бизнеса. Публичная политика превращается в разновидность постмодернистского спектакля, в котором кривляются и беснуются состарившиеся под телевизионными камерами профессиональные паяцы и лицедеи, изображающие из себя великих государственных деятелей, тайных советников и властителей дум. Когда же они окончательно надоедают публике, их технологично заменяют новыми участниками шоу.

На наш взгляд, медиакратия возникает там и тогда, где и когда происходит деструктивная трансформация автономной публичной сферы, которая ставится под мягкий и непрозрачный контроль представителями финансовой или политической власти. Специфика момента определяется тем, что при этом практически полностью сохраняется институциональный дизайн общества позднего модерна. Такой режим, будучи демократическим по своей форме, уже не является таковым по своему содержанию, поскольку предполагает постоянное информационно-психологическое воздействие активного меньшинства на инертные массы, но не с целью их образования, воспитания или развития, как это наблюдалось в эпоху классического модерна, а с целью удержания их в состоянии лояльности или перманентного потребления. Эмоциональная энергия людей расходуется на «разговоры» с телевизором или негодующие комментарии в сетях публичности и не приводит к какой-то серьёзной социальной мобилизации. Люди живут в состоянии неосознанности и информационно-психологической зависимости, испытывая чувство глубокого удовлетворения от поставленных лайков или дизлайков, хамских выпадов или выплесков агрессии в сетях публичности. Повышенная активность в виртуальном пространстве не приводит к сколь-нибудь организованным и значимым действиям социального характера. Безусловно, многие люди хотят изменений, но в их реальном мире практически ничего не меняется.

На медиакратию можно взглянуть и с другой стороны, обозначив этим термином особую группу креативных профессионалов, которая занимается производством и трансляцией идеологического контента посредством средств массовой информации по аналогии с бюрократией, которая контролирует бесперебойный поток входящих и исходящих документов. При этом следует иметь в виду, что «производство идей, представлений, сознания непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей

являются здесь ещё непосредственным порождением материального отношения людей» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 24]. По сути, многие интеллектуалы являются наёмными работниками государства или капитала, обеспечивая их легитимацию и гегемонию.

В условиях медиакратии интеллектуальные сообщества либо становятся обслуживающим персоналом государства и капитала, занимаясь производством и трансляцией соответствующего контента, наполненного «цитатами» из классических идеологий модерна, либо занимают противоположную позицию, пытаясь использовать существующий информационно-технологический инструментарий для решения своих «партизанских» задач. «Всякое публичное высказывание уже есть действие в поле идеологии, чаще всего прикрываемое отрицанием всякой идеологии и ссылками на прагматизм и объективную необходимость» [Рубцов, Любимова, Сыродеева, 2016, с. 9].

Здесь необходимо зафиксировать ряд важных моментов.

1. В эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии интеллектуалы воздействуют уже не на сознание неграмотных или плохо образованных людей, а на аудиторию, которая подвергается постоянному информационно-психологическому воздействию, буквально от первого крика до последнего вздоха. При этом воздействие осуществляется не только через рационально-логическую аргументацию, но и через изошрённую работу с «коллективным бессознательным», включая его наиболее архаичные пласты.

2. Аудитория интеллектуала представлена не в качестве равноправного партнёра и собеседника, а в качестве сообщества потребителей контента, за внимание которых нужно постоянно бороться, придумывая всё новые и новые способы воздействия. Необходимость монетизации контента, получения донатов или «накручивания» рейтинга просмотров превращает интеллектуала в шоумена, стремящегося расширить свою аудиторию, в том числе – за счёт искажения фактов или нарочитого эпатажа.

3. В эпоху медиакратии и развития сетей публичности «символическое пространство политики наполнено цитатами из классических идеологий, которые востребованы лишь в качестве симулякров». Как отмечалось в одной из наших работ, массы «питаются» суррогатами идеологий, «которые в значительной мере утратили свой проектный характер и больше никого никуда не ведут» [Трунов, 2019 а, с. 68]. Идейные комплексы в таких ситуациях «работают как чисто мифологические, а их выбор определяется сиюминутными политическими интересами и социально-психологическими аффектами» [Рубцов, Любимова, Сыродеева, 2016, с. 47].

Вследствие всех указанных обстоятельств идеологии восстания, революции или системной критики капитализма уже не просто интегрируются существующей властно-политической и экономической системой, но являются её необходимым «функциональным элементом» [Джеймисон, 2019, с. 418]. Они-то и обеспечивают гегемонию медиакратии, которая основана не на грубой силе, а на «мягкой власти» и перманентной фабрикации общественного согласия.

### Заключение

Подводя общий итог, сформулируем основные выводы данной статьи:

1. Все рассмотренные нами классики философской и социологической мысли занимались не только выявлением категориальной сущности идеологии, но и стремились в той или иной мере повлиять на формирование нового макросоциального субъекта, который мог бы ответственно и целенаправленно заниматься производством и трансляцией смыслов. Речь идёт не просто о том, чтобы осуществлять тривиальное политическое господство, например, манипулируя общественным мнением или занимаясь «производством сознания», но о том, чтобы определённым образом канализировать психоисторическую энергию общества и управлять сложнейшими процессами его полноценного развития.

2. В качестве такого макросубъекта рассматривалась либо элита знания, которая должна заменить деградировавшую к тому времени элиту происхождения (Ф. Бэкон, А.-Л.-К. Дестют де Траси), либо прогрессивный рабочий класс, обладающий адекватным мировидением и способный к организованному социальному действию (К. Маркс), либо (как



это было в случае с К. Манхеймом) интеллигенция, предлагающая растерянному обществу привлекательные образы будущего, позволяющие конструктивно разрешать накопившиеся социальные конфликты.

3. За последнее десятилетие учёные, которые занимаются изучением феномена идеологии в эпоху перехода от позднего модерна к медиакратии, добились определённых теоретических результатов. На многочисленных и заслуживающих внимания примерах они доказали, что концепты, составляющие смысловое «тело» (или субстанцию) идеологии, логически связаны друг с другом, в результате чего возникает своеобразное непротиворечивое единство, которое напоминает структуру социальных теорий. Однако системность, последовательность и логичность изложения основных идей может органично дополняться и другими средствами символического воздействия, например, иконическими знаками, метафорами, аллюзиями, символами, мифами, отсылками к чувственно-эмоциональному восприятию. Да и рационально-логическая аргументация (которая присутствует во всех идеологиях позднего модерна) зачастую используется в манипулятивных целях и весьма далека от идеалов объективного научного знания.

4. В процессе перехода к медиакратии происходит радикальная мутация классических идеологий модерна, которая обусловлена отрывом функций от субстанции, формы от содержания, вследствие чего «идеи, ранее являвшиеся смертельно опасными, подрывными или по крайней мере оскорбительными, теперь превращаются во множество материальных означающих, по которым взгляд скользит, не задерживаясь на них» [Джеймисон, 2019, с. 330]. Это приводит к потере критериев различения правды и лжи, реального и виртуального, знания и мнений, превращая идеологии в симулякры того, что когда-то маркировало собой конкурирующие метанарративы субъектов стратегического действия, которые реально боролись за власть.

### Список литературы

1. Арентс Х. 2011. О революции. Пер. с англ. М., Европа: 464 с.
2. Арон Р. 2015. Опиум интеллектуалов. Пер. с фр. М., Изд-во АСТ: 480 с.
3. Бэкон Ф. 1972. Сочинения: В 2-х т. Пер. с англ. М., Мысль. Т. 2: 582 с.
4. Гальцева Р., Роднянская И. 2012. *Summa ideologiae*: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М., Посев: 128 с.
5. Дестют де Траси А.-Л.-К. 2013. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. Пер. с фр. М., Академический Проект, 334 с.
6. Джеймисон Ф. 2019. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Пер. с англ. М., Изд-во Института Гайдара: 808 с.
7. Иванов Д.В. 2008. Глэм-капитализм. СПб., Петербургское Востоковедение: 176 с.
8. Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М., Юрист: 700 с.
9. Манхейм К. 2000. Избранное: Социология культуры. М., СПб., Университетская книга: 501 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Соч. 2-е изд. М., Госполитиздат. Т. 3: XIV, 616 с.
11. Поддубный Н.В., Трунов А.А. 2016. Почему Идеология не стала наукой о рациональном мышлении? Историческая психология и социология истории: Научно-теоретический журнал. Т. 9. № 2: 105–120.
12. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. 2016. Под ред. В.С. Мартыанова, Л.Г. Фишмана. М., Политическая энциклопедия: 334 с.
13. Рубцов А., Любимова Т., Сыродеева А. 2016. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М., ИФ РАН: 246 с.
14. Трунов А.А. 2019 а. Постмодернизм как неогностический проект: опыт философской деконструкции. Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. 3(23): 45–74.
15. Трунов А.А. 2019 б. Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 234–243. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-234-243.
16. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. 2018. Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов. М., Прогресс-Традиция: 464 с.

17. Эйзенштадт Ш. 1999. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. Пер. с англ. М., Аспект Пресс: 415 с.

### References

1. Arendt H. 2011. O revolyucii [On revolution]. Per. s angl. M., Evropa: 464 p.
2. Aron R. 2015. Opium intelektualov [The opium of the intellectuals]. Per. s fr. M., Izd-vo AST: 480 p.
3. Bekon F. 1972. Sochineniya: V 2-h t. [Writings: in 2 vol.] Per. s angl. M., Mysl'. T. 2: 582 p.
4. Gal'ceva R., Rodnyanskaya I. 2012. Summa ideologiae: Torzhestvo «lozhnogo soznaniya» v novejschie vremena. Kritiko-analiticheskoe obozrenie zapadnoj mysli v svete mirovyh sobytij [Summa ideologiae: The Triumph of "false consciousness" in Modern Times. Critical-analytical Review of Western thought in the light of World events]. M., Posev: 128 p.
5. Destyut de Trasi A.-L.-K. 2013. Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova [The basis of the ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Per. s fr. M., Akademicheskij Proekt: 334 p.
6. Dzhejmison F. 2019. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism]. Per. s angl. M., Izd-vo Instituta Gajdara: 808 p.
7. Ivanov D.V. 2008. Glem-kapitalizm [Glam-capitalism]. SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie: 176 p.
8. Manhejm K. 1994. Diagnostz nashego vremeni [Diagnosis of our time]. Per. s nem. i angl. M., Yurist: 700 p.
9. Manhejm K. 2000. Izbrannoe: Sociologiya kul'tury [Elected: Sociology of culture]. M., SPb., Universitetskaya kniga: 501 p.
10. Marks K., Engel's F. 1955. Soch. 2-e izd. [Compositions. 2 ed.] M., Gospolitizdat. T. 3: XIV, 616 p.
11. Poddubnyj N.V., Trunov A.A. 2016. Pochemu Ideologiya ne stala naukoj o racional'nom myshlenii? [Why didn't Ideology become the science of rational thought?] Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii: Nauchno-teoreticheskij zhurnal [Historical Psychology & Sociology]. T. 9. № 2: 105–120.
12. Rossiya v poiskah ideologij: transformaciya cennostnyh reguljatorov sovremennyh obshchestv [Russia in Search of Ideologies: the Transformation of Value Regulators of Modern Societies]. 2016. Pod red. V.S. Mart'yanova, L.G. Fishmana. M., Politicheskaya enciklopediya: 334 p.
13. Rubcov A., Lyubimova T., Syrodeeva A. 2016. Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh processov v politicheskoy i sociokul'turnoj real'nosti [Practical ideology. On the analysis of ideological processes in political and socio-cultural reality]. M., IF RAN: 246 p.
14. Trunov A.A. 2019 a. Postmodernizm kak neognosticheskij proekt: opyt filosofskoj dekonstrukcii [Postmodernism as a neognostic project: the experience of philosophical deconstruction]. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Nauchnyj recenziruemyj zhurnal. 3(23): 45–74.
15. Trunov A.A. 2019 b. Ideology in the societies of modernity and postmodernity: a comparative analysis. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 234–243. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-234-243.
16. Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna [Philosophy and ideology: from Marx to postmodern]. 2018. Otv. red. A.A. Gusejnov, A.V. Rubcov. M., Progress-Tradiciya: 464 p.
17. Ejzenshtadt Sh. 1999. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [The revolution and the transformation of societies. Comparative study of civilizations]. Per. s angl. M., Aspekt Press: 415 p.

### Ссылка для цитирования статьи

#### For citation

A.A. Трунов. 2019. Идеология и интеллектуалы в эпоху медиакратии. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (4): 729–737. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-729-737

Trunov A.A. 2019. Ideology and intellectuals in the epoch of mediocracy. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (4): 729–737 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-729-737